

РАЗДЕЛ 1. ОБНОВЛЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ПРИКЛАДНЫМ ЗАДАЧАМ

Солодовников С.Ю., д.э.н., профессор

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

solodovnicov_s@tut.by

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ВНЕДРЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОТРАСЛЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Точная количественная оценка экономического эффекта внедрения отечественных технологий в отраслях Республики Беларусь затруднительна, гносеологически и прагматически малопродуктивна, потому, что:

во-первых, для корректной оценки названного эффекта необходимо последовательное и комплексное использование сценарного подхода при котором, начиная с 1991 года (с момента создания Республики Беларусь) должны быть промоделированы все возможные сценарии развития отечественной академической, вузовской и отраслевой науки, с учетом фактических региональных (СНГ, Союзное государство, Таможенный союз) и глобальных геоэкономических, политико-экономических, технологических, макроэкономических и иных тенденций. А для этого, используя слова классика, не хватит и ста К. Марксов. В противном же случае анализ будет носить формально-поверхностный характер;

во-вторых, в зависимости от того каковы мотивы и мировоззрение исследователей на основании одних и тех же статистических данных могут быть получены противоположные выводы. Неправомерно сводить все дискуссии об экономической эффективности внедрения отечественных технологий, механизмах и формах международного трансфера технологий, модернизации белорусской экономики лишь к поиску научной истины. Ученые экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают специфической мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (и в свою очередь, у субъектов, которые их контролируют, есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп и индивидов. Здесь не важно случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму». Для нас существеннее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного сообщества, уменьшают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, понижают продукционный эффект от практического применения отечественных технологий;

в-третьих, некоторое обобщение первичной информации по экономической эффективности внедрения отечественных технологий в белорусской экономике (зачастую широко тиражируемой на страницах интернета и ряда периодических изданий), было проведено с использованием инструментария характерного для либерально-рыночного мировоззрения. Поскольку названные приемы экономического анализа, когда их без серьезных теоретических и методологических доработок используют за пределами стран Старой Европы и/или государств протестантского фундаментализма, носят скорее идеологический чем научно-практический характер, то естественно, что выводы, полученные с их применением, не позволяют представить реальную экономико-технологическую картину в нашей стране. Таким образом, при исследовании экономической эффективности внедрения отечественных технологий серьезной гносеологической проблемой является ограниченность эмпирического инструментария, опирающиеся на либерально-рыночную идеологию. Было бы несправедливо утверждать, что ученым экономистам удалось рассмотреть методологическую ограниченность парадигмы «саморегулирующегося рынка», а значит и ее теоретическую, историческую (достаточно вспомнить хотя бы, как в эпоху колониальных империй экономические проблемы метрополий решались за счет колоний, когда «невидимая рука рынка» приобретала форму дредноутов и кавалерийских полков) и практическую несостоятельность лишь в конце XX века. Еще в начале XX века П.Б. Струве сумел показать, что концепция равновесия и анализ равновесных состояний в экономике (один из главных принципов теорий саморегулирующегося рынка) были порождены философией XVII-XVIII вв. (Бэкон, Декарт, Гоббс, Ньютон), а также утвердившимися в экономической науке механистическим мышлением и учением о «естественном законе». По П.Б. Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присутствии с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, равноправного со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее «состояние»¹. Таким образом, классическая политическая экономия (А. Смит, Д. Риккардо) приписывают равновесию значение некой сущности стоящей над экономическими явлениями и управляющими ими. Отрицая механистический подход к анализу экономических феноменов, П.Б. Струве подчеркивал, что «Хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальности,

«микроскопической» конкретности случайны в точном смысле этого слова. «Микроскопически» действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью; и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, «сделанные» цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или «равновесию», это единство и эти состояния «равновесия» неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям»². П.Б. Струве выделил те черты, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия: неполная рациональность экономического поведения, неравномерное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен. В результате проведенного анализа П.Б. Струве сумел доказать теоретико-методологическую несостоятельность маржинализма как механистической и статической концепции, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа;

в-четвертых, существуют серьезные методологические и теоретические ограничения в применении экономико-математических методов при комплексном исследовании социально-экономических процессов, а внедрение отечественных технологий в народном хозяйстве страны относится именно к этому классу явлений. Уже упоминаем выше П.Б. Струве в свое время сумел убедительно показать ограниченность экономико-математических методов. «Поскольку математическое направление политической экономии, - указывает этот автор, - ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения»³. Высказываясь по данному поводу Л.М. Ипполитов в частности подчеркивает, что «вопрос заключается не в том, является ли «механический» (включая сюда и «математическое рассуждение») подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существу экономических явлений, текучей и прерывистой природе «экономической материи»? На этот вопрос Струве отвечает решительно отрицательно»⁴. П.Б. Струве писал: «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае «индивиды» должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т.е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по «признакам» в некие статистически обозримые совокупности»⁵. Это может быть осуществлено только с помощью статистических методов. Порок всех концепций механистически-математической политической экономии в том, что в них не усматривается логическая природа эмпирического знания, к области которого относится и политэкономия. Они рассуждают *more geometrico* в области, где плодотворны либо чистая индукция, либо статистический подход.

Таким образом, правомерен вывод, что не надо при исследовании экономической эффективности внедрения отечественных технологий пытаться считать несчитуемое с использованием крайне идеологизированных (внеисторических, виртуальных) теоретических подходов. По нашему мнению следует провести системную оценку названной эффективности исходя из деятельностного подхода и позитивной экономической идеологии.

При этом по нашему мнению, следует подчеркнуть, что оценить успешность инновационного развития страны, экономическую эффективность внедрения отечественных технологий и т.д. невозможно без использования уже существующих сегодня теоретических и аналитических наработок белорусских ученых-экономистов. Критерием же оценки правильности тех или иных мнений может выступать только их эмпирическая проверка, в нашем случае – это экономическая динамика.

Разделение всех существующих сегодня научных школ и направлений необходимо проводить не по критерию «план или рынок», а по тому, какие они исследуют объекты: реальные социально-экономические процессы или виртуальные (идеальные) модели. Следует особо подчеркнуть, что для всех, или почти для всех, белорусских независимых экспертов и, к сожалению, для части представителей экономической науки, характерно методологически абсурдное противопоставление таких понятий как план и рынок. Но ведь это не парные категории. Экономика может быть либо плановой, либо хаотичной (саморегулирующейся), либо сочетать в себе компоненты плана и саморегуляции. С другой стороны хозяйство может быть либо натуральным, либо рыночным. Обмен также может осуществляться либо натуральным образом, либо с использованием товарно-денежных отношений. Иначе говоря, спрашивать, какая экономика: плановая или рыночная, так же безграмотно как задавать вопрос: какой стакан стеклянный или красный?

Опираясь на такое методологически абсурдное противопоставление (план или рынок) и в зависимости от целей, которые ставит перед собой тот или иной исследователь, разнятся и оценки эффективности белорусской институциональной модели и отечественного научно-технологического потенциала. Многие представители либерально-рыночного направления в экономической науке при оценке тех или иных процессов в хозяйственной жизни страны сразу переходят к глобальной критике белорусской экономической модели, либо голословной, либо иллюстрируемой достаточно поверхностным экономико-математическим анализом. Сразу подчеркну, что здесь речь идет далеко не о все представителях парадигмы «самоорганизующегося рынка». Среди белорусских «рыночников» присутствует достаточное количество серьезных ученых, которые публикуют интересные проблемные работы и научная дискуссия с которыми способствует выявлению слабых мест в рассуждениях «государственников».

1 Струве, П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1.- С. 6.

2 Струве, П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1.- С.12-13.

3 Струве, П.Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3(1).- С. 45.

4 Ипполитов, Л.М. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л.М. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4.- С.50.

5 Струве, П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1.- С. 16.

Тарасевич В.Н., д.э.н., профессор,
Национальная металлургическая академия Украины, г. Днепрпетровск, Украина
v_tarasevich@list.ru

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА XXI ВЕКА: ИННОВАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН

Постановка проблемы. Сейчас уже мало кто из ученых сомневается в том, что глобальные трансформации рубежа II и III тысячелетий станут важными детерминантами эволюции человеческой цивилизации в текущем столетии, ее экономики и политики, духовности и социальности. Чтобы достойно ответить на новые и грядущие вызовы, у фундаментальной экономической науки (ФЭН) нет выбора, - она должна преодолеть кризис и качественно развиваться темпами, адекватными цивилизационным переменам.

Анализ последних исследований и публикаций. Осмыслению императивных изменений ФЭН посвящены работы ведущих экономистов-теоретиков В. Базилевича, А. Гриценко, М. Зверякова, В. Савчука, А. Чухно и других. Обозначены объективные условия и предпосылки указанных изменений, начат активный поиск содержательных параметров ФЭН нового тысячелетия и тем самым заложены добротные основания для продолжения дискуссии [1, с. 11 – 35; 2; 3, с. 5 – 18; 6].

Нерешенные ранее части общей проблемы. Наиболее вероятны дискуссии по принципиально новым проблемам общенаучной значимости ФЭН, «парадигмальных прививок» к основным компонентам последней, а также усиления ее практической значимости в условиях экспансии прикладного экономического знания.

Формулировка задач и целей статьи. Целью настоящей статьи является определение вероятных качественных характеристик основных компонентов ФЭН в текущем столетии.

Изложение основного материала. Прежде всего, нужно признать необходимость обогащения и расширения её объекта. Конечно, «жестким ядром» последнего остаётся экономика. Но, во-первых, она должна рассматриваться не столько как способ производства, рынок, народное хозяйство или совокупность взаимодействующих экономических субъектов и объектов, сколько как сложная человекообразная система с действующим в ней не просто экономическим человеком или даже человеком – личностью, а человеком как универсумным существом, в котором нераздельны сознательное, под- и бессознательное начала. Именно он привносит в экономику неповторимый универсумный дух. Становится понятным, и это во-вторых, что существование последней возможно только в составе сверхсложных человекообразных самоорганизующихся систем – интеграционной (человеческое общество) и универсумной (единство взаимодействующих экономической, социальной, духовной, политической общественных и природно-экологической сфер). Демаркационная линия между ними в современных условиях в значительной мере стёрта, и потому их гомологичность всё более жестко задаёт общие императивы движения, законы и закономерности самоорганизации и взаимодействий. Экономико-политическая, экономико-социальная, экономико-духовная, экономико-экологическая области взаимопроникновения универсумных сфер существенно расширяются и вольно или невольно попадают в поле зрения учёных-экономистов. Неизбежным представляется усложнение уровневого строения объекта. Наряду с уже привычными микро-, мезо-, макро- и мегауровнями, предстоит осмысление нано-, пико- и фемтауровней. Вероятно, не только экономика личности, но и генная экономика и нейроэкономика станут не менее востребованными и значимыми. Ещё предстоит осознать, в какой мере указанные области и уровни являются и должны быть объектом ФЭН. Но, видимо, рано или поздно она обречена стать гражданкой универсума.

С учётом изложенного правомерно предположение, что вместе с homo oeconomicus из ФЭН будет постепенно вытесняться и традиционный экономический субъект. Человек в своём новом статусе не может не объединять в себе обе ипостаси – субъекта и объекта, и в этом смысле вполне оправданной представляется категория «актор». Актор – не абстрактный индивид, как член рода, а каждый человек как индивидуальность, каждая ассоциация индивидуальностей. И если возрастающая доля товаров изготавливается по индивидуальным заказам, а в экономической деятельности растёт значимость индивидуальных качеств людей, то допустима ли недооценка в структуре объекта ФЭН самого актора? Риторический вопрос.

Качественные изменения в экономике, её растущая открытость иным универсумным сферам, в особенности по сетевым каналам knowledge economy, предполагает интенсификацию интерактивного полилога ФЭН с иными, неэкономическими науками. Судя по масштабам междисциплинарности, экономического и неэкономического империализма, этот процесс набирает силу. На очереди – более активное освоение потенциала мультидисциплинарности и трансдисциплинарности. Но экзогенные интеграционистские устремления должны коррелировать с интеграционизмом эндогенным, который, в